

считать особенным благодеянием судьбы, что я никогда не был так здоров и что для меня никогда время не протекало так быстро, как в России. Уже почти год прошел, и он протек быстрее, чем я мог когда-либо это себе представить. Я все еще продолжаю мои регулярные лекции по всеобщей истории. Я положил в основание их Фрайерово Введение во всеобщую историю, хотя я, — поскольку наши студенты еще не знают немецкого языка, — должен излагать по-латыни как эти положения, так и самую лекцию. Помощь в моей работе оказывает мне, конечно, здешняя университетская библиотека, в которой уже имеется значительный запас исторических книг по всем частям истории и которая и сейчас ежедневно увеличивается ценнейшими и редчайшими книгами, на что его превосходительство г-н куратор нашего Университета не жалеет никаких затрат. О наших студентах я должен сказать, что я нашел среди них способнейшие головы; а так как это благодеяние природы соединяется у них еще с усердным и неутомимым прилежанием, — то они, обладая двумя столь необходимыми для ученого качествами, подают о себе наилучшую надежду.

Кроме моих регулярных обязанностей, к которым меня обязывает моя профессия, я теперь еще перевожу, — по желанию г-на капитана фон-Меллисино, «Инесу де Кастро» Ла Мотта. Этот г-н капитан — брат нашего г-на директора, друг бригадира Сумарокова, большой любитель поэзии, и особенно трагической. И из-за этой его любви он взял на себя надзор над немецкой труппой в С.-Петербурге; для использования этой труппой и должна быть переведена на немецкий язык «Инеса де Кастро», так как она на французском получила одобрение ее величества.

Осуществление предложения, сделанного вашим высокоблагородием насчет отмены русских букв, сопряжено с большими трудностями; не говоря о том, что так как весьма немногие из здешней нации знают знаки латинских букв, введение их принесет несравнимо большие трудности, чем сохранение обычных русского алфавита, которые уже всякий знает, но я не вижу также, чем хоть в малейшей мере может быть облегчено этим изучение русского языка для иностранцев. Допустим, что при этом легче будет читать русский текст; но разве благодаря этому легче будет понимать его? К этому надо прибавить, что это изменение представляется почти невозможным. Русские имеют, как ваше высокоблагородие сами знаете, несравнимо большее число букв, чем остальные европейские нации. Их число доходит до 41; и все-таки ни одна из них не излишня в этом языке, так как, хотя многие из них на первый взгляд кажутся имеющими одинаковый звук, но в устах русского они на слух различаются друг от друга более, чем явно; это было одним из первых наблюдений, которые я сделал в России. Имеется даже много слов, которые, если даже относительно их допустить, что они в произношении совершенно одинаковы, все же имеют различное значение, в соответствии с тем, пишутся ли они с тем или иным буквенным знаком, хотя эти буквы все одного рода, т. е. все как будто бы означают С или все — Т.³¹ Вот я и не вижу, где можно набрать в латинском или даже польском алфавите буквы, которые бы могли полностью выразить существенное разнообразие всех этих русских букв, лучше замечаемое в произношении, чем обозначаемое знаками. Далее, я должен сказать вашему высокоблагородию, что русский никогда не согласится, что в его буквах есть нечто неправильное. И я должен с ним почти согласиться, особенно когда я смотрю на новые, чистые и аккуратные литеры, которыми теперь пользуются для печати как в С.-Петербурге, так и здесь в Москве, и прилагают все усилия,

³¹ Перевод этой фразы сделан совершенно точно. Вероятно, какая-то ошибка произошла при печатании немецкого текста. — Прим. Ред.